

ВЗРЫВЪ МИХАЙЛОВСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ

въ 1840 году.

*Разсказъ одного изъ бывшихъ въ плѣну участниковъ дѣла *)*.

Въ силу послѣдовательности и обстоятельствъ, я былъ посланъ въ 183* году унтеръ-офицеромъ на Кавказъ—до-служивать срокъ военной службы.

Много оставили во мнѣ тяжелыхъ воспоминаній г. Став-рополь и первый кавказскій линейный баталіонъ, въ кото-ромъ протекли первые несчастные мѣсяцы моей службы.

Волею неотразимой судьбы, я былъ разжалованъ въ ря-довые, безъ лишенія дворянскаго званія, впредь до отлич-ной выслуги, и переведенъ въ тенгинскій пѣхотный полкъ.

Въ 1839-мъ году, съ 19-го по 25-е марта, полкъ нашъ, въ томъ числѣ, конечно, и я, участвовалъ въ перестрѣлкахъ и движеніяхъ отряда, подъ начальствомъ полковника Хлю-пина, отъ Ольгинскаго къ Абинскому и Николаевскому укрѣп-леніямъ. За отличіе, оказанное 19-го марта, я былъ Всеми-лостивѣйше награжденъ двумя рублями ассигнаціями. Съ 28-го апрѣля по 22-е октября мы были на восточномъ берегу

*) Эта небольшая статья имѣетъ нѣкоторый интересъ потому, что эпизодъ, въ ней изложенный, до сихъ поръ не появлялся никогда въ печати со словъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія, такъ какъ почти всѣ они, какъ извѣст-но, пали жертвами своего героизма и самоотверженія.

Черного моря, въ отрядѣ генераль-лейтенанта Раевского. Заглявъ этотъ берегъ и вырубивъ окрестные лѣса, мы, не смотря на ежедневныя битвы и перестрѣлки, успѣли и съумѣли построить у рѣки Субаши фортъ Головина и у рѣки Пезуапѣ фортъ Лазарева. Переѣхавъ на корабляхъ въ Анапу, мы заложили фортъ Раевского.

Лишенія наши были велики. Мало того, что люди гибли въ битвахъ, они погибали, благодаря зловредному климату, еще и отъ болѣзней.

Послѣ постройки форта Раевского, мы выступили на зимнія квартиры въ Черноморію, въ селеніе Полтавское.

Хотя дорога была трудная, за то квартиры отличныя. Никогда не забуду, съ какимъ радушіемъ приняли меня мои хозяева, и какъ потомъ мнѣ хорошо жилось у нихъ. Это были разумные и старые старики, грустно доживавшіе свой вѣкъ вдали отъ любимыхъ сыновей, которые гдѣ-то служили такими-же солдатами, какъ и я.

28-го февраля 1840-го года намъ приказано было выступать. Въ продолженіи всей зимы снѣга не было, а теперь, какъ нарочно, выпалъ по колѣно. Дѣлать нечего, надо идти. Глубоко врѣзалась мнѣ въ память сцена прощанья моего съ хозяевами. Эти добрые люди, называвшіе меня своимъ сыномъ, благословили меня, снабдили всею, что только я могъ взять, и, призвавъ еще разъ на меня благословеніе Бога, съ горячими слезами непритворнаго горя, отпустили. Всю лишнюю аммуницію мы сложили въ цейхгаузъ, а сами, послѣ молитвы, отправились въ путь. Снѣгъ падалъ большими хлопьями, положительно заметая бѣдныхъ, изнемогающихъ солдатъ. Вѣтеръ, съ страшнымъ свистомъ разсѣкая воздухъ, прорывался сквозь ущелья горъ и, поднявъ цѣлыя облака снѣга, неистово кружилъ его надъ нами, немилосердно хлыща колючими, замерзшими иглами по лицамъ и рукамъ ко-

челѣющихся воиновъ. Дороги не было видно; шли наугадъ; положительно выбивались изъ силъ. Немогущихъ идти полковникъ Хлюпинъ велѣлъ нести на носилкахъ; но все несомые, какъ находившіеся безъ движенія, замерзли. Дорогу для насъ утаптывали ѣхавшіе впереди казаки. Съ большимъ трудомъ достигли мы до казачьяго Андреевскаго поста. Насъ пускали обогрѣться понѣскольکو человекъ, поочереды, потому что грѣться всею было негдѣ. Объ отдыхѣ нечего было и думать.

Между тѣмъ, снѣгъ пересталъ, и погода улучшилась. Простоявъ цѣлую ночь, мы, 3-го марта, съ разсвѣтомъ, двинулись далѣе. На перекличкѣ оказалось, что болѣе семидесяти человекъ замерзли. Конечно, ихъ не взяли съ собой. Съ восходомъ солнца снѣгъ началъ таять, и къ полудню его не осталось и слѣда.—только громадныя лужи свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ. Ноги у всехъ были приморожены; сапоги наши были полны воды; идти не было возможности отъ зуда и боли, такъ что мы принуждены были снять ихъ и шли босые.

Такъ мы шли до Анапы, а оттуда, на пароходѣ „Боецъ“, 9-го марта, прибыли въ Михайловское укрѣпленіе.

Въ укрѣпленіи находилось, вмѣстѣ съ нами, пятьсотъ человекъ. Въ тенгинскомъ полку было 150 человекъ, которыми командовалъ подпоручикъ Краумзгольдъ; фельдфебелемъ былъ Комлевъ, юнкеромъ—Карецкій. Подъ командою этихъ лицъ находился и я. Кромѣ того, здѣсь была шестая рота навагинскаго полка, подъ командою поручика Тимченко, состоявшая изъ 165-ти человекъ, и двѣ роты черноморскаго линейнаго баталіона, состоявшія изъ 185-ти человекъ, которыми командовалъ капитанъ Лико. Насъ встрѣтилъ нашъ священникъ, въ полномъ облаченіи, пріѣхавшій сюда на время поста, для исповѣди и причастія людей. Онъ благословилъ

насъ, поднесъ поцѣловать крестъ и удалился, а мы отправились въ укрѣпленіе.

Тихо, мирно протекли девять дней.

Въ это время я встрѣтилъ здѣсь моего друга дѣтства, Генриха Гродскаго, бывшаго также въ военной службѣ и защитника укрѣпленія. Немало развлеченія доставляли мы своимъ сослуживцамъ по вечерамъ игрою на флейтѣ и гитарѣ. На первой игралъ я, на второй—мой другъ. Часто приглашалъ насъ къ себѣ, любя музыку, капитанъ Лико. Это былъ человѣкъ выше средняго роста, плотнаго сложенія, съ сильнымъ, энергическимъ взглядомъ и непреклонною волею; при всемъ этомъ, съ чрезвычайно нѣжной и любящей душой. Онъ съ своими подчиненными обходился потоварищески, но былъ строгъ за малѣйшее отступленіе отъ закона. Всѣ его боялись, но и любили настолько, что каждый съ охотою умеръ бы за него. Слово его для всѣхъ было закономъ.

Мы начинали думать, что вся тревога и присылка насъ сюда—пустому. Какъ вдругъ, однажды, на разсвѣтѣ, одинъ изъ подкупленныхъ черкесовъ далъ намъ знать, что горцы, болѣе одиннадцати тысячъ человѣкъ, намѣреваются сдѣлать надняхъ нападеніе на нашу крѣпость. „Но, прибавилъ онъ капитану Лико, за то, что ты хорошо заплатилъ мнѣ, почти обогатилъ, я, участвуя въ сраженіи, спасу твою жизнь и постараюсь захватить тебя въ плѣнъ.“ Получивъ плату, черкесъ удалился.

У насъ начались приготовления. По заходѣ солнца, 17-го марта, сдѣлали расчетъ всему гарнизону, находившемуся въ укрѣпленіи. Затѣмъ, сейчасъ уложили насъ спать. Тревожно было на душѣ у каждаго; почти никто не спалъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Въ полночь насъ разбудили. Подкрѣпивъ себя молитвой и пищей, весь гарнизонъ занялъ опредѣленные мѣста на бастіонахъ. Напрасно прож-

дали мы цѣлый день 18-го марта: нападенія не было. Всѣ были задумчивы, но болѣе другихъ—рядовой тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ. Заложивъ руки въ карманы, быстро шагая по казармѣ, съ нахмуренными бровями, онъ очевидно что-то обдумывалъ. Вдругъ, остановясь, онъ произнесъ:

— Я хочу сдѣлать память Россіи.

Нѣкоторые товарищи начали надъ нимъ смѣяться; но недоувѣріе, съ какимъ отнеслись къ нему, не возмутило его. На ихъ смѣхъ онъ отвѣтилъ:

— Въ минуту неустойки нашихъ, я подожду пороховой погребъ.

Всѣ были поражены такою мыслью и молчали. Началъ онъ меня просить—доложить о немъ и о его намѣреніи капитану Лико. Онъ былъ призванъ и, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и моемъ, далъ торжественную клятву, утвердивъ ее цѣлованіемъ креста, что тогда только подождетъ погребъ, когда черкесы будутъ отбивать замки у погреба. Онъ ушелъ, когда черкесы будутъ отбивать замки у погреба. Онъ ушелъ.

Мы каждую минуту были готовы къ бою. Осипова ежедневно, съ двѣнадцати часовъ ночи, съ ружьемъ, фитилемъ и водою, со спиртомъ, для подкрѣпленія силъ, заирали въ пороховой погребъ, и только къ десяти часамъ утра, когда гарнизонъ сходилъ съ бастіоновъ, его выпускали.

Затворничество Осипова длилось до 22-го марта, т. е. до дня битвы. Наканунѣ я и мой товарищъ Черскій были назначены, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ резервъ. Сложивъ ружья въ козлы, мы ходили. Черскій рассказывалъ мнѣ свой сонъ. Не успѣлъ онъ окончить, какъ одинъ изъ часовыхъ, обернувшись ко веѣмъ сторожившимъ, шопотомъ сказалъ:

— Что-то чернѣетъ.

Было четыре часа утра, а сторожили мы бастіоны съ двѣнадцати часовъ ночи до одиннадцатаго часа утра. Горцы

ночью никогда не дѣлали нападенія, а всегда передъ разсвѣтомъ, какъ случилось и теперь; что-то чернѣвшее, усмотрѣнное часовымъ, были горцы. Удостоверившись въ этомъ окончательно, часовой сдѣлалъ выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ, горцы, съ крикомъ „ги, ги!“ бросились на валъ укрѣпленія. Мы отбросили ихъ штыками. Завязался бой отчаянный. Было еще темно, стрѣляли въ массу наугадъ; но когда взошло солнце, каждый стрѣлялъ куда и въ кого хотѣлъ. Ровъ наполнился трупами горцевъ.

Бой продолжался до восьми часовъ утра. Первый взводъ былъ выбитъ; число людей уменьшалось съ каждою минутою; помощи не было, а число горцевъ все увеличивалось. Въ полномъ вооруженіи, въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ изображеніемъ полумѣсяца и звѣзды на красныхъ знаменахъ, они, какъ саранча, покрывали горы.

Оставшіеся въ живыхъ изъ выбитаго перваго взвода и раненые перешли во второй.

Силы наши слабѣли. Горцевъ было въ двадцать разъ болѣе насъ. Мы отступили на кавальеръ-батарею и, обернувъ орудіе въ крѣпость, начали стрѣлять картечью. Подпоручикъ Краумзгольдъ, только-что ободрившій насъ словомъ „не робѣть“, взбѣжавъ на валъ укрѣпленія и предсказывая мнѣ крестъ св. Георгія, былъ на моихъ глазахъ изрубленъ горцами въ куски. Я началъ командовать ротой и командовалъ ею до конца битвы. За грудями труповъ невозможно было стрѣлять изъ орудій.

Артилеріи прапорщикъ Ермолаевъ, не будучи въ состояніи дѣйствовать изъ орудій еще и по недостатку людей и снарядовъ, началъ дѣйствовать изъ ружей и вскорѣ былъ убитъ.

Очень тяжело было у меня на душѣ, и я, склонивъ колѣна, со слезами сталъ просить Бога сохранить мнѣ жизнь.

Молитва эта продолжалась недолго, но она укрѣпила меня, влила въ мое сердце энергію, хладнокровіе и ими такъ преисполнила меня, что для меня опасности будто и не было.

Помолившись, я началъ просить товарищей—дать мнѣ патроновъ; они отвѣчали, что ихъ нѣтъ. Вслѣдъ обыскать покойниковъ, мы найденными у нихъ патронами продолжали бой. Я былъ первый стрѣлокъ, и мои пули положили на мѣстѣ нѣсколько десятковъ людей. Вдругъ, раздался выстрѣлъ съ другой части укрѣпленія. Я предложилъ оставшимся въ живыхъ идти туда, откуда стрѣляли, надѣясь тамъ найти патроны. Нѣкоторые согласились, но другіе отказались, подстрекаемые солдатомъ Федоровымъ 2-мъ, который совѣтовалъ скрыться за валъ укрѣпленія, чтобы остаться живыми. Только напоминаніе мое о данной ими клятвѣ—служить Царю и отечеству до послѣдней капли крови и о томъ, что они русскіе, христіане, а не нехристы, образумило ихъ: они вернулись. Федоровъ одинъ пошелъ на валъ укрѣпленія, въ надеждѣ быть взятымъ въ плѣнъ. Не успѣлъ онъ тамъ появиться, какъ черкесъ снесъ ему шашкою голову и сталъ обирать его трупъ. Увидѣвъ это, я прицѣлился—и убійца-воръ палъ бездыханнымъ. Не только самая измѣна, но и самое покушеніе на нее не проходятъ безнаказанными; подтвержденіе этой истины сбылось на Федоровѣ. Смотрю—три черкеса отбиваютъ замки у баталіоннаго цейхгауза. Я прицѣлился въ нихъ. Когда дымъ послѣ моего выстрѣла разсѣялся, то одинъ изъ нихъ лежалъ на землѣ, а два, бросивъ замки, старались помочь ему. Съ нѣсколькими товарищами мы кинулись и убили ихъ. Мой товарищъ Терентьевъ, увидя у одного убитаго шашку, отдѣланную въ серебро, взялъ ее, бросивъ ружье, хотя я ему не совѣтовалъ дѣлать это. Когда мы бросились на двухъ горцевъ, приводившихъ въ чувство товарища—я на одного, Теренть-

евъ на другаго, — я былъ пораженъ крѣпостью силъ, какую обнаружилъ пронзенный въ грудь штыкомъ мой противникъ: онъ упалъ на колѣна, одною рукою прикрылъ рану, а другою замахнулся на меня шашкою; но съ этимъ взмахомъ испустилъ духъ. Не привыкнувъ владѣть шашкою, Терентьевъ плохо управлялся съ нею. Вижу — черкесъ занесъ шашку надъ его головою. Я бросился къ нему, и, при помощи уже безухаго и безносаго Терентьева, убилъ черкеса. Опустивъ свое ружье штыкомъ въ землю, я такъ задумался, что не замѣтилъ подбѣжавшаго ко мнѣ черкеса. Онъ замахнулся на меня шашкою, и отъ этой неожиданности я до того растерялся, что, вмѣсто того, чтобы защищаться, протянулъ впередъ мою руку. Холодное лезвие скользнуло по ней: онъ отсѣкъ мнѣ мизинецъ, задержавшійся только на корнѣ. Горячимъ потокомъ хлынувшая кровь и боль заставили меня очнуться; я сунулъ штыкомъ въ грудь противника, и онъ палъ мертвый. Вижу — съ вала цѣлятся въ меня два черкеса изъ винтовокъ. Я сталъ перепрыгивать съ ноги на ногу. Раздались разомъ два выстрѣла; одинъ пролетѣлъ надъ моею головою, а другой пробилъ мнѣ правое ухо у самой головы. Велѣдъ за этимъ, я получилъ еще двѣ контузіи въ голову. Какъ было ни грустно, но я смѣялся надъ моимъ товарищемъ Черскимъ, желавшимъ даже умереть — лишь бы со мною.

Я, съ товарищами, отправился на другую половину укрѣпленія, очищая себѣ дорогу отъ встрѣчавшихся горцевъ штыками. Войдя въ укрѣпленіе, я увидѣлъ умирающаго подпоручика Тимченко, поручившаго мнѣ занять его мѣсто и взявшаго съ меня слово, что я сдѣлаю все, что только можно будетъ. Почти всѣ офицеры были убиты или тяжело ранены. Въ числѣ раненыхъ я узналъ моего друга Гродскаго; онъ былъ раненъ пулею навзлетъ въ горло, но все-же пошелъ въ ряды, простившись со мною и сказавъ, что идетъ

отомстить за свою смерть.

Оставшихся въ живыхъ было около сорока человекъ. Я повелъ ихъ на морскую батарею. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли мнѣ повиноваться; тогда я велѣлъ барабанщику бить тревогу. Ударивъ нѣсколько разъ, онъ свалился у моихъ ногъ. Перепуганные товарищи послѣдовали за мною. Не успѣли мы взойти на батарею, какъ тотчасъ человекъ двадцать пять выбыло изъ строя. Тутъ капитанъ Лико дѣлалъ чудеса, не будучи еще пока тяжело раненымъ. Солдаты дѣйствовали бодро, но положительно приуныли тогда, когда онъ, сраженный наконецъ, свалился: никто не могъ ихъ такъ одушевлять, какъ онъ. Почти умирающій, и капитанъ Лико просилъ меня распорядиться вмѣсто него. Я обѣщаль, но, взглянувъ на море, гдѣ кромѣ воды и неба ничего не было видно, и на нѣсколько человекъ, оставшихся въ живыхъ — тогда какъ число черкесовъ все прибывало — я увидѣлъ, что нечего распорядиться, нечѣмъ и нечѣмъ, и помощи ждать неоткуда.

Между тѣмъ, черкесы бросились къ пороховому погребу и начали ломать замки. Тутъ Осиповъ въ точности исполнилъ данную имъ клятву: велѣдъ за стукомъ отбиваемыхъ замковъ послѣдовалъ страшный взрывъ. Еслибы можно было видѣть за нѣсколько верстъ, то ужасное зрѣлище представилось бы тому, кто вздумалъ бы наблюдать за ходомъ дѣла. Сначала послышался невѣроятный трескъ; все затряслось, зашаталось. Велѣдъ затѣмъ, цѣлое облако дыма, унизанное золотыми языками пламени, въ перемежку съ взлетѣвшими людьми и всѣмъ, что находилось въ крѣпости, появилось въ пространствѣ. Взрывъ былъ сдѣланъ около девяти часовъ утра, а когда я очнулся — былъ уже полдень. Дымъ разсѣялся, и я увидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была крѣпость, мусоръ и груды развалинъ; кое-гдѣ лишь слышались стоны умирающихъ, да свистъ вѣтра. Я лежалъ навзничъ, весь

опухшей и въ крови, не имѣя силъ подняться, не видя никого, кто могъ бы мнѣ подать помощь. Съ большимъ трудомъ я сѣлъ. Вижу—ко мнѣ, съ поднятой шашкой, бѣжитъ горецъ. Я опустилъ голову, сталъ на колѣна и скрестилъ на груди руки, съ словами: „алла, алла,“ не имѣя ни оружія, ни силъ для защиты. Видя меня въ такомъ положеніи, онъ вложилъ шашку въ ножны и, взявъ меня на плеча, понесъ, какъ ребенка, широко шагая по грудамъ труповъ. Принеся меня въ свой станъ, онъ усадилъ на грудь награбленныхъ вещей и отдалъ подъ надзоръ другому горцу. Мой сторожъ, желая знать который часъ, вынулъ изъ кармана массивные золотые часы, въ которыхъ я узналъ часы капитана Лико. Движеніемъ руки я выразилъ свое негодованіе, но меня заставили молчать и еще обругали.

Дѣлать было нечего, надо было во всемъ повиноваться.

Я былъ очень слабъ, но пришедшіе чрезъ нѣсколько времени черкесы не обратили на это вниманія и, взявъ меня подъ руки, повели въ укрѣпленіе и начали водить вокругъ развалинъ, производившихъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я не могъ понять, для чего они все это дѣлаютъ, и обратился къ одному человѣку въ черкесской одеждѣ—разъяснить мнѣ ихъ дѣйствія. Спрошенный мною, не смотря на свою одежду, не могъ скрыть своего чисто русскаго типа—что я ему и замѣтилъ. Оказалось, что онъ дѣйствительно русскій, давно бѣжавшій солдатъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что черкесы хотятъ знать, гдѣ стоитъ сундукъ съ золотомъ; что я это долженъ знать, такъ какъ товарищи, попавшіе, какъ и я, въ плѣнъ, чтобы прислужиться горцамъ, заискать ихъ расположеніе и тѣмъ самымъ сдѣлать свой плѣнъ сноснымъ, указали на меня, какъ на часто бывавшаго у начальника. Я велѣлъ передать черкесамъ, что трудъ ихъ совершенно напрасный, потому что русскіе на войнѣ золота

въ сундукахъ не держатъ, и что, еслибы и было такъ, то у насъ только тотъ замѣчаетъ подобное, кто намѣренъ украсть; что, наконецъ, добавилъ я, я бывалъ у моего начальника по дѣламъ службы, а не для того, чтобы разглядывать по сторонамъ. Мой отвѣтъ видимо понравился имъ, и они поочередно пожали мнѣ руку, называя хорошимъ человѣкомъ—какъ объяснилъ мнѣ этотъ переводчикъ.

Вдругъ, вижу, идетъ мимо меня черкесъ и несетъ мой молитвенникъ. Я опустился передъ нимъ на колѣна, прося возвратить мнѣ мою святыню, прибавивъ, что готовъ за нее лишиться одной руки, но онъ прошелъ мимо, не обративъ на меня никакого вниманія. Я сѣлъ. Затѣмъ, другой черкесъ ведетъ двухъ плѣнниковъ. Навстрѣчу ему идетъ еще черкесъ и, остановясь возлѣ своего собрата, сталъ просить его—отдать ему одного плѣнника. Тотъ отказалъ. Тогда горецъ, просьба котораго не была удовлетворена, отойдя на нѣкоторое разстояніе, снялъ съ плеча винтовку, прицѣлился, выстрѣлилъ—и одинъ изъ плѣнныхъ палъ мертвымъ; потомъ, обратясь къ отказавшему ему, произнесъ: „одинъ твой, другой—мой,“ и удалился. Таковъ ужъ нравъ у горцевъ: ихъ воля непреклонна, ихъ слова—не пустяя фразы, ихъ желанья удовлетворяются хотя бы цѣною крови. Отправляясь въ жилище къ новому моему господину, плѣнникомъ котораго я былъ, въ сопровожденіи вожатаго и еще одного моего товарища, Пирогова, я мысленно молилъ Бога, чтобы съ однимъ изъ насъ не повторилось тоже, что я сейчасъ рассказалъ. Но все прошло благополучно.

Когда мы пришли въ саклю нашего новаго хозяина, то на насъ сейчасъ надѣли кандалы, а на ноги—желѣзные обручи съ цѣпами, которыми приковывали насъ на ночь къ столбамъ, чтобы предотвратить побѣгъ. Такъ какъ я былъ очень слабъ, то обручъ съ моей ноги сняли, а меня отпра-

вили въ особую саклю, съ переводчикомъ, для леченія. Здѣсь отъ лазутчика я узналъ, что капитанъ Лико въ плѣну, живетъ въ сосѣдней со мною саклѣ, но что онъ очень болѣнъ. Черезъ нѣсколько дней отъ того же лазутчика я узналъ, что капитанъ Лико умеръ.

Когда я поправился, на меня опять надѣли кандалы.

Однажды, сидя у сакли съ моимъ переводчикомъ, среди толпы черкесовъ, черкешенокъ и въ томъ числѣ муллы, я спросилъ у переводчика, когда снимутъ съ меня кандалы и зачѣмъ ихъ надѣваютъ. Мулла спросилъ, о чемъ я говорю. Ему объяснили, а также и отвѣтъ мнѣ, что надѣваютъ ихъ оттого, чтобы мы не вздумали бѣжать отсюда. Чтобы на будущее время избавиться отъ кандаловъ, я рѣшилъ схитрить и отвѣтилъ, что могу бѣжать и въ кандалахъ, какъ и безъ нихъ. Меня спросили: какъ, и просили показать. Подбравъ кандалы и сжавъ ихъ колѣнами, я сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ и очутился у самой отдаленной сакли. Такая выходка привела въ восторгъ всѣхъ окружающихъ, и я сдѣлался предметомъ разговора. Моя выдумка избавила меня отъ кандаловъ.

Я оглянулся. За мною стояла высокая, стройная, молодая дѣвушка и зорко слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ, смотря въ упоръ, боясь опустить глаза, чтобы слезы, наполнявшія ихъ, не выдали ея восторга. Взоры наши встрѣтились. Такой красоты не увидишь среди нашихъ родныхъ полей: ея смуглый, съ оттѣнкомъ матовой бѣлизны, цвѣтъ лица, черные глаза, наполненные слезами, сверкавшими, какъ брилліанты, среди сумерокъ вечера, спускавшихся уже въ долины, окруженные горами, вершины которыхъ были еще позлащены лучами заходящаго солнца, и пряди черныхъ, какъ смоль, волосъ, небрежно разметавшихся по плечамъ и по лбу, слегка волнующая дуновеніемъ вѣтерка, ея

полуоткрытыя губы, съ виднѣвшимся жемчужной бѣлизны рядомъ зубовъ, тонкій, изящный носъ, сдвинутыя черныя брови, все это дышало въ ней непреклонной волей, силой, энергіей и дѣлало ее еще очаровательнѣе. Я залюбовался ею, забывъ, что я плѣнникъ, что меня окружаетъ стража и, повинаясь только инстинкту, протянулъ къ ней обѣ руки. Грудь ея высоко поднималась и снова опускалась все ниже и ниже; она быстро повернулась и скрылась въ другія двери сакли, въ которой я жилъ. Она была дочерью моего хозяина, и потомъ я очень часто видѣлъ ее. Бывало ночью, когда въ аулѣ все племя шапсуговъ спало, она приходила ко мнѣ, приносила все, что у нея было лучшаго изъ пищи, и что она успѣвала спрятать, не будучи замѣченною. Долго бывало просиживали мы вмѣстѣ, инстинктивно понимая другъ друга. Это были наилучшія минуты моего пребыванія въ плѣну. Знаками она выражала, что любитъ меня, что вышла бы за меня замужъ, еслибы я имѣлъ чѣмъ ее выкупить, и неутѣшно рыдала, когда я говорилъ ей, что люблю ее также, но ничего не имѣю. Я не шутя привязался къ ней и полюбилъ это чудное созданье,—а все-таки мысль о свободѣ и бѣгствѣ была преобладающей.

Такъ шли дни за днями. Благодаря ей, мнѣ предоставляли разныя льготы: мулла присылалъ мнѣ отъ своего стола пищу, я ходилъ въ горы пастъ стада безъ надзора, съ другими пастухами и т. п.

Отъ муллы узналъ я, что двухлѣтній голодъ, вследствие неурожаа, побудилъ горцевъ сдѣлать нападеніе на крѣпость; что теперь они не могутъ досчитаться у себя трехъ тысячъ человѣкъ.

Жизнь моя была-бы сносная, еслибы меня не мучило сознание, что я рабъ. Да, хороша жизнь на Кавказѣ тому, кто не ходитъ въ цѣняхъ, кто свободно можетъ рыскать между

горь. у кого легко на душѣ, кто безъ гнетущей мысли можетъ полной грудью вдыхать чистый, ароматный воздухъ, любоваться этимъ вѣчно лазурнымъ небомъ, безъ тревоги въ сердцѣ мирно отдыхать въ знойный полдень подъ навѣсомъ скаль, у одного изъ многочисленныхъ горныхъ потоковъ, распростирающихся свѣжесть и прохладу, или дремать подъ шумъ вѣтерка, или мечтать при тихомъ сіяніи луны, любуясь свѣжными, алмазными вершинами Казбека. Но я томился въ неволѣ, и даже дивная краса природы Кавказа не сроднила меня съ нимъ душою.

Какъ-то разъ старый мулла велѣлъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ собирать дрова. Мы пошли. Онъ былъ очень старъ и далеко отсталъ отъ меня. Вдругъ, услышалъ я выстрѣлъ по направленію отъ укрѣпленія Шапсуго, находившагося въ недалекомъ разстояніи отъ Михайловскаго укрѣпленія. Дороги я не зналъ, но все же бросился бѣжать безъ оглядки, не обращая вниманія на зовъ муллы. Былъ туманъ; къ полудню онъ разсѣялся, и я увидѣлъ себя на горѣ, склоны которой были покрыты лѣсомъ. Мулла былъ далеко за мною, а навстрѣчу мнѣ, съ топоромъ за поясомъ, шелъ молодой, высокій горецъ. Я бросился въ кусты, но онъ меня замѣтилъ и шелъ прямо ко мнѣ. Гибель моя была неизбежна. Собравъ все присутствіе духа, я вскочилъ на ноги и бросился бѣжать въ противоположную отъ него сторону. Горецъ слѣдовалъ за мною. Я слышалъ крикъ его окрестнымъ пастухамъ: „держи!“ но не обращалъ вниманія и все продолжалъ бѣжать. Кругомъ меня находились провалы, поросшіе густыми кустарниками. Я далеко опередилъ горца и, переведа духъ, незамѣченный имъ, бросился въ самую чащу кустовъ, ухватившись руками за ихъ сучья и зажавъ папачой ротъ, чтобы не слышно было моего дыханья, ускореннаго отъ быстрого бѣга, которое бы могло выдать здѣсь мое при-

сутствіе. Я видѣлъ, какъ черкесь прошелъ мимо меня, какъ оглянулся въ недоумѣніи, распрашивая: не видалъ ли кто меня изъ пастуховъ. Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, онъ махнулъ рукою и пошелъ своею дорогою. Думая, что такое скорое удаленіе его не болѣе, какъ хитрость съ его стороны, я рѣшился провести здѣсь ночь. Упершись ногами въ стволъ одного дерева, а на другое положивъ голову, я въ такомъ положеніи встрѣтилъ разсвѣтъ. Ползкомъ, на груди и на рукахъ, достигъ я вершины горы, поблагодарилъ Бога за свое спасеніе и опять пустился въ путь.

У подножія горы протекала рѣка, а на томъ берегу ея находилась наша крѣпость Шапсуго.

Странно устроено человѣческое сердце: какъ это въ одно и тоже время въ немъ могутъ гнѣздиться самыя разнообразныя чувства и ощущенія! Я хотѣлъ бѣжать, бѣжалъ и въ минуту моей рѣшимости не думалъ ни о чемъ, кромѣ побѣга. Я хотѣлъ быть свободнымъ; желанье мое исполнилось, а все-таки я не былъ вполне счастливъ. Грустный образъ красавицы Гусезы (такъ было имя моей черкешенки) которая одна улучшала мое положеніе въ плѣну, носился передъ моими глазами; мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть ее, проститься съ нею, поблагодарить за любовь и заботы и, если можно, взять ее съ собою и отправить къ матери, пока окончу службу и буду въ состояніи жениться на ней. Но какъ мнѣ ни хотѣлось видѣть ее—ниразу мысль о возвратѣ въ плѣнъ не приходила мнѣ въ голову. И весело было у меня на душѣ, и какъ-то неопредѣленно грустно.

Выбравъ въ рѣкѣ мѣсто помельче, я перешелъ ее и векорѣ очутился возлѣ укрѣпленія. Товарищи-солдаты не узнали меня: лицо мое и все тѣло было окровавлено и распухло отъ засѣвшихъ въ немъ колючекъ; одежда вся изорвана въ клочки.

Доложили обо мнѣ начальнику. Начальникъ, маіоръ Цакни, принялъ меня очень ласково, велѣлъ вымытъ, одѣтъ, накормить и т. д. Слухъ о моемъ возвращеніи быстро распространился. Пришелъ мой товарищъ юнкеръ Нижиковскій, очень обрадовался, а поручикъ Титовъ попросилъ маіора Цакни отпустить меня къ нему. У него я провелъ ночь, не смыкая глазъ—не смотря на страшную усталость. Я не могъ вѣрить своему счастью, не вѣрилъ себѣ, своимъ глазамъ, что я свободенъ и между своими. Послѣ этой ночи я три дня спалъ и не просыпался.

Черезъ нѣсколько дней лазутчикъ опять далъ знать, что горцы хотятъ сдѣлать нападеніе. Не желая еще разъ попасть въ плѣнъ и будучи болѣнъ, я, по просьбѣ моей, былъ начальникомъ отправленъ въ штабъ, на пароходѣ „Боецъ“, въ г. Керчь. По прибытіи въ штабъ, я узналъ о Высочайшей милости: за труды и отличіе штабъ и оберъ-офицеровъ частей войскъ, находившихся въ Михайловскомъ укрѣпленіи во время сраженія 22-го марта 1840-го года, убавить годъ службы къ выслугѣ ордена св. Георгія, а нижнимъ чинамъ убавить вообще годъ службы. Осипова, за его подвигъ, считать навсегда по спискамъ первымъ рядовымъ въ первой гренадерской ротѣ тенгинскаго пѣхотнаго полка, и на переключкахъ первый записанный солдатъ долженъ, при произнесеніи имени Осипова, отвѣчать: „погибъ во славу русскаго оружія при защитѣ Михайловскаго укрѣпленія.“ Такимъ образомъ, Осиповъ увѣковѣчилъ свое имя, и оно никогда не умретъ въ русской арміи. Насколько меня порадовало это извѣстіе, настолько же огорчило то, что, по случаю увѣренности въ моей смерти, я былъ обойденъ наградою въ числѣ моихъ товарищей. Но огорченіе мое продолжалось недолго: за отличіе мое въ Михайловскомъ укрѣпленіи я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и отъ Имени

Его Императорскаго Величества пожалованъ орденомъ св. Георгія за № 74,833.

Въ настоящее время Государь Императоръ, въ память пользы, оказанной отечеству въ защитѣ Михайловскаго укрѣпленія горстью русскихъ воиновъ, доказавшихъ преданность своему Государю и родинѣ, а также и неустранимость, которыя будутъ служить примѣромъ всему грядущему поколѣнію, для большей незабвенности случившагося, и въ изъявленіе Своего Монаршаго благоволенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: воздвигнуть на мѣстѣ битвы памятникъ капитану Лико и рядовому Архипу Осипову, указывающій на одно изъ главныхъ событій военной русской исторіи.

Изъ числа защищавшихъ Михайловское укрѣпленіе тогда оставалось двѣнадцать человекъ, а теперь изъ этого числа, по всей вѣроятности, остался одинъ я, а всѣ остальные почіютъ непробуднымъ сномъ могилы. И я уже приближаюсь къ ней; мнѣ слишкомъ семьдесятъ лѣтъ; голова моя бѣла, какъ лунь; здоровье отъ ранъ, контузій и походовъ, не смотря на частыя медицинскія пособія, на которыя уходитъ почти вся моя пенсія, съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Конецъ мой близокъ. И вотъ, на закатѣ дней, захотѣлось и мнѣ принести свою ленту потомству, хотя не денежную, потому что средства мои слишкомъ ограничены, но все же не менѣе важную, заключающуюся въ правдивомъ, всѣмъ понятномъ, подробномъ разказѣ всего случившагося при паденіи Михайловскаго укрѣпленія.

Прибавлю къ этому разказу еще то, что русская поговорка: „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“ вполне сказала на мнѣ и исполнится на всѣхъ, вѣрующихъ въ промыслъ божій, стоящихъ за славу своего Государя, правое дѣло, свободу и благоденствіе родины.

Защитникъ укр. Михайловскаго Іосифъ Мирославскій.

